

УДК 94(47).083

ББК 63.3(2)532

«Вандея» российской революции 1905–1907 гг.? Западные губернии и черносотенство

Т. Рокки

Справочная библиотека Торонто (Торонто, Канада)

The “Vendée” of the Russian Revolution of 1905–1907? The Western Provinces and the Black Hundreds

T. Rocchi

Toronto Reference Library (Toronto, Canada)

Вандея, западный французский департамент, приобрел определенную региональную идентичность в политике исторической памяти не только Французской революции, но также и революции 1917–1922 гг. в России. Роялистское восстание вандейских крестьян между 1793 и 1796 гг. сделало название региона синонимом массовой контрреволюции низов. Неудивительно, что сторонники и противники большевиков старались найти параллели с Французской революцией, чтобы объяснить масштабность антибольшевистской оппозиции в отдельных регионах бывшей Российской империи. Часто и красные, и белые называли казачьи земли, особенно Дон, «Вандеей революции». Однако невозможно поставить знак равенства между вандейскими крестьянами, боровшимися за короля и церковь, и антибольшевистскими казаками и крестьянами, потому что они не воевали за реставрацию монархии. Можно найти российский эквивалент вандейской региональной концепции массовой контрреволюции в девяти западных губерниях Российской империи в революции 1905–1907 гг. Эти губернии, вместе с шестью другими, составляли черту еврейской оседлости и стали оплотами Союза русского народа и других черносотенных организаций. В отличие от внутренних русских губерний, западные губернии были многонациональными и поликонфессиональными. В западных губерниях имели место массовые протестные движения и вспышки терроризма, в которых пересекались этнические, религиозные и социальные факторы. Аморфная популистская идеология черносотенства способствовала массовой поддержке в западных губерниях, предлагая всем считать себя жертвами эксплуатации и несправедливости по вине разных истеблишментов.

Ключевые слова: Вандея, Франция, западные губернии Российской империи, российская революция 1905–1907 гг., черносотенство.

The western French department of the Vendée has acquired a certain regional identity in the politics of historical memory not only of the French Revolution but also of the Russian Revolution of 1917–1922. The royalist rebellion of the Vendée peasants between 1793–1796 has become a synonym for a region of mass lower-class counter-revolution. Not surprisingly, both supporters and opponents of the Bolsheviks tried to find parallels with the French Revolution to explain the massiveness of anti-Bolshevik opposition in certain regions of the former Russian Empire. Often both Reds and Whites called the Cossack lands, especially the Don, the Vendée of the Russian Revolution. However, it is impossible to place an equal sign between the Vendée peasants, fighting for king and church, and anti-Bolshevik Cossacks and peasants because the Cossacks and peasants were not fighting for the restoration of the monarchy. One can find a Russian equivalent to the Vendée regional concept of mass counter-revolution in the nine western provinces of the Russian Empire in the Revolution of 1905–1907. These provinces, along with six other provinces, comprised the Jewish Pale of Settlement and became bastions of the Union of the Russian People and other Black Hundred organizations. Unlike the interior Russian regions, the western provinces were multiethnic and multi-religious. The western provinces had mass protest movements and outbreaks of terrorism where ethnic, religious and social factors intersected. The amorphous populist Black Hundred ideology could attract mass support in the western provinces from all those seeing themselves as victims of all different variations of exploitation and injustices from the hands of different establishments.

Key words: Vendée, France, western provinces of the Russian Empire, Russian Revolution of 1905–1907, Black Hundreds.

DOI: 10.14258/izvasu(2021)5-04

Вандея, западный французский департамент, приобрел определенную региональную идентичность в политике исторической памяти не только Французской революции, но также и российской революции 1917–1922 гг. Под руководством дворян и священников вандейские крестьяне в «католической и королевской армии» воевали между 1793 и 1796 гг. за короля и церковь против якобинских республиканцев. Вандейское восстание, охватившее Вандею и окружающие департаменты, стало синонимом региона массовой контрреволюции низов. На протяжении десятилетий многие историки французской революции отказывались признать, что народ мог быть контрреволюционным [1, с. 3]. Горячие дебаты вызвала в 1986 г. монография французского историка Рейналя Сеше о подавлении вандейского восстания. Сеше констатировал, что подавление восстания в 1793–1794 гг. якобинцами явилось геноцидом, и написал, что 250 тысяч вандейцев — мужчин, женщин и детей — были убиты армией [2]. Как заметила российская исследовательница Ю.Г. Есина, «Вандея — не просто территория, департамент, а концепт, имеющий две стороны, эволюционирующий во времени, но всегда сохраняющий эмоциональную окраску. В одних случаях Вандея становится синонимом “варварства”, в других — символом героического сопротивления» [3, с. 114].

Нами исследована возможность применить вандейскую региональную концепцию массовой контрреволюции к девяти западным губерниям бывшей Российской империи в революции 1905–1907 гг. Эти губернии — Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Киевская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская — и еще шесть других губерний — Бессарабская, Екатеринославская, Полтавская, Таврическая, Херсонская, Черниговская — составляли черту еврейской оседлости [4]. Эти пятнадцать губерний стали оплотами Союза русского народа и других черносотенных организаций. По подсчетам российского историка С.А. Степанова, почти 58% примерно 400 тысяч член черносотенных организаций в 1907–1908 гг. жили в губерниях черты еврейской оседлости. Почаевский отдел Союза русского народа имел в 1908 г. почти 105000 членов в Волынской, Бессарабской, Подольской и Киевской губерниях [5, с. 182, 185].

Хотя черносотенная статистика о членстве часто являлась завышенной, во многом черносотенцы были масштабнее всех европейских крайне правых популистских партий и движений до Первой мировой войны. Иногда создается впечатление, что черносотенные организации, особенно массовый Союз русского народа, были более открыты для разных слоев населения, чем их противники в либеральных и социалистических партиях и европейских крайне правых партиях этого периода. Черносотенцы

допускали членство женщин, старообрядцев, католиков, лютеран, мусульман, представителей национальных меньшинств. Они также рекрутировали членов среди дворян, чиновников, духовенства, рабочих, крестьян, ремесленников, лавочников, купцов, предпринимателей, лиц свободных профессий, студентов, курсисток, учащихся средних школ и других лиц [6, с. 326].

В истории черносотенства, правого популизма и массовых антиреволюционных и контрреволюционных движений девять западных губерний имеют определенную региональную идентичность и некоторые элементы сходства с вандейской региональной идентичностью массовой контрреволюции. Положение дел в этих губерниях создало почти идеальные условия для массовых антиреволюционных и контрреволюционных движений. Многонациональный и поликонфессиональный состав населения сильно отличал эти губернии от внутренних этнически русских губерний. В массовых протестных движениях и вспышках терроризма в революции 1905–1907 гг. часто пересекались этнические, религиозные и социальные факторы. Аморфная черносотенная идеология имела массовую поддержку со стороны всех, кто считал себя жертвами всевозможных разновидностей эксплуатации и несправедливости со стороны разных истеблишментов. Везде отчаянные люди искали виновников в катастрофическом положении своих дел, особенно среди тех, кто выигрывал от революции.

Заметим, что вандейские крестьяне выгоняли, избивали и убивали всех выигравших от революции, в том числе католических священников, принявших обет лояльности к конституции, покупателей, часто из буржуазии, конфискованных церковных земель, местных республиканских администраторов и членов якобинских клубов, особенно из городских буржуазных слоев [1, с. 155–157]. Такие проявления массового насилия против всех выигравших от революции имели место в других роялистских контрреволюциях, особенно на юге (Midi) Франции и среди шуанов-партизан в Нормандии и Бретани.

Участие представителей разнообразных слоев населения в черносотенном движении в западных губерниях Российской империи совершенно развенчивает отрицательный стереотип, данный американским политологом и бывшим коммунистом Бертремом Вольфом: «Под знаменем Святой Руси собиралась самая порочная и разношерстная свора: недоумки, вырождающиеся, звероподобные, сбитые с толку, взбешенные, закаленные противники всяких перемен, разорившиеся офицеры, помещики и золотая молодежь, демобилизованные старые солдаты и домашняя прислуга, для которых преданность хозяину была совокупностью всех преданностей; уголовники, кого полицейские порядки сделали по-

слушными ко всяким наставлениям; разорившиеся ремесленники и лавочники, которые были убеждены, что забастовки и восьмичасовой рабочий день стали причинами их страданий; голодные и истощенные люмпен-пролетарские элементы из человеческого отребья трущоб больших городов, самые безграмотные и доверчивые слои рабочего класса и крестьянства» [7, с. 327]. Однако заметим, что при долгосрочных и краткосрочных напряженных отношениях в западных губерниях черносотенные лозунги, такие как «Православие, самодержавие, народность!», «Россия для русских!», «Бей жидов, спасай Россию!», принимали особенную остроту и часто эсхатологический размах.

Но попытки применения вандейской региональной концепции массовой контрреволюции совсем отсутствуют в отечественной и зарубежной историографии. Отчасти это белое пятно переплетается с недооценкой революции 1905–1907 гг. как самостоятельной революции и восприятием ее лишь «генеральной репетицией» Октябрьской революции 1917 г. Также дали себя знать последствия советских запретов по изучению разных аспектов революции. Среди запрещенных тем были проблема и степень распространения массовых контрреволюционных движений [8, с. 364–371].

Начиная с 1917 г. и вплоть до наших дней бытует совершенно ошибочное применение вандейской концепции региона массовой контрреволюции к некоторым регионам бывшей Российской империи во время революции и Гражданской войны 1917–1922 гг. На всех этапах революции сторонники и противники большевиков старались найти параллели с французской революцией, чтобы объяснить масштабность антибольшевистской оппозиции в отдельных регионах. Часто и красные, и белые называли казачьи земли, особенно Дон, «Вандеей революции». Со временем некоторые историки и писатели, в том числе А.И. Солженицын, стали применять вандейскую концепцию массовой крестьянской контрреволюции к Сибири, Северному Кавказу и Тамбовщине (см.: [9–13]). Заметим, что большевики, другие социалисты и вообще представители всех политических течений часто делали ложные параллели с французской революцией, чтобы объяснить и оправдать ход событий в революции. Неудивительно, что призрак Вандеи бродил по истории российской революции и способствовал мифотворчеству.

Совершенно невозможно поставить знак равенства между вандейскими крестьянами, боровшимися за короля и церковь, и антибольшевистскими казаками и крестьянами, потому что казаки и крестьяне не воевали за реставрацию романовской монархии. Также нельзя считать казаков и крестьян преданными членами Белых движений. Интересы казаков часто ограничивались защитой земель своих войск,

и казачьи цели не включали похода на Москву и низвержения большевистского режима. Крестьянские восстания обычно являлись локальными, и часто крестьяне, особенно «зеленые», не поддерживали ни красных, ни белых. Итак, вандейская концепция не может применяться к событиям 1917–1922 гг. Немецкий исследователь Николаус Катцер отметил, что антибольшевистские восстания на казачьих землях не являлись российским эквивалентом французской Вандеи: «Скорее, это следовало понимать символически, поскольку с точки зрения социальной истории размещавшиеся на периферии имперского ядра казачьи войска имели мало общего с роялистским народным движением Французской революции» [14, с. 162]. Ключевые слова в замечании Катцера «на периферии имперского ядра» дают нам возможность понять, как западные губернии могли стать Вандеей революции 1905–1907 гг. Эти губернии, прославленные русскими националистами как «исконно-русские земли», были на периферии имперского ядра.

Девять западных губерний составляли часть бывшей польской Речи Посполитой и до революции переживали медленную и сложную интеграцию в Российскую империю. Многонациональный и поликонфессиональный состав населения сильно отличал западные губернии от этнически русских губерний в имперском ядре. Об этом свидетельствует процентное соотношение разных вероисповеданий у населения западных губерний по переписи населения 1897 г. (соответствующие общеимперские проценты даются в скобках). Население девяти губерний — 19629841 человек. Доли главных вероисповеданий: православные — 64,4% (69,3%); римо-католики — 19,3% (9,1%); протестанты, преимущественно лютеране — 2,0% (2,9%); старообрядцы и уклоняющиеся от православия (сектанты разных толков) — 1,0% (1,7%); иудеи — 13,3% (4,1%). Доля православных среди 13304493 жителей шести других губерний черты еврейской оседлости составляла 87%, иудеев — 7% (5%) [15].

Не только значительное присутствие католиков и иудеев в западных губерниях беспокоило представителей Русской православной церкви и русских православных активистов, но также и относительно непрочное положение православия среди их жителей. Многие православные, особенно в северо-западных губерниях, являлись потомками бывших униатов (греко-католиков), перешедших добровольно или принудительно в православие на протяжении XIX в. На рубеже XIX–XX вв. К.П. Победоносцев, оберпрокурор Святейшего синода, жаловался на сохранение католических обычаев среди «новых» православных и о привлекательности римо-католичества для многих номинальных православных [16, с. 222–223]. Неудивительно, что многие русские на-

ционалисты боялись окатоличивания и ополячивания православного населения в этом регионе.

Перепись собирала данные о родных языках и наречиях населения, а не об этническом происхождении жителей. Были выявлены следующие проценты распространения основных языков в западных губерниях: малороссийский (украинский) — 39,4%; белорусский — 27,9%; идиш — 13,2%; литовский — 6,7%; русский — 5,0%; польский — 4,3%; латышский — 1,6%; немецкий — 1,5% [17]. Точный этнический состав населения установить трудно. Черносотенцы весьма расширительно толковали термин «русский народ», включая в его состав украинцев и белорусов. Культуре этих народов отказывали в самостоятельности, их языки считались всего лишь местными диалектами русского [5, с. 41]. Да и многие представители правительства и русские националисты разделяли этот же взгляд. Заметим, что этническая консолидация украинцев и белорусов, особенно среди крестьянства, была сложным процессом, как и во всех европейских странах. Формирование этнических идентичностей усложнялось тенденцией называть регионы в западных губерниях, в Царстве польском и в Австро-Венгерской империи «Русью» и размыванием различий между Русью и Россией.* Кажется, что многонациональный и поликонфессиональный состав населения западных губерний страшил русских националистов и заставлял их воспринимать этот регион как передовую линию защиты самодержавия, православной церкви и русского народа от действительных и мнимых врагов.

На протяжении десятилетий в социальных конфликтах в западных губерниях часто пересекались социально-экономические, этнические и религиозные факторы. Польские помещики доминировали в крупном землевладении, а евреи преобладали в торговле и ремесленном производстве [5, с. 183]. Также многие люди в России, как и в других европейских странах, считали евреев носителями социализма и либерализма, выигрывающих от катастрофического положения дел (см., напр.: [18]). Волна еврейских погромов в октябре 1905 г. в черте еврейской оседлости явилась своеобразным протестом против экономического положения евреев и против социалистов и либералов. Черносотенцы сочетали экономический, религиозный и этнический протесты в их требованиях, часто в Государственной

Думе выступали за передачу земли польских католических помещиков православным крестьянам [19]. Правительство не могло удовлетворять такие требования, потому что они нарушали неприкосновенность частной собственности.

Итак, долгосрочные и краткосрочные факторы способствовали превращению западных губерний в регион массовой контрреволюции. Большевик В. Левицкий обращал внимание на особенности черносотенства на окраинах: «Здесь присутствие “иностранческого” элемента и создавшееся представление о его “засилье”, затушевывая нередко действительный характер происходящей социальной и политической борьбы, бросало в лагерь крайней реакции группы населения, которые в других местах поддерживали в своей массе оппозиционные или революционные партии» [20, с. 354]. Таким образом, при определенных условиях народ мог стать контрреволюционным.

Черносотенцы были полезны правительству лишь при подавлении революции, но с восстановлением порядка премьер-министр П.А. Столыпин распустил черносотенные боевые дружины [21, с. 108]. Русский националист и антисемит В.В. Шульгин предупреждал, что еврейские погромы явились лишь первым шагом к погромам против других категорий населения, и что этот «черный бунт» может способствовать торжеству анархии [22, с. 405].

Бунт русских роялистов провалился. Постоянное недоверие самодержавия ко всяким неофициальным инициативам, даже от самых лояльных элементов, вносило мощный вклад в крушение массового движения за «Православие. Самодержавие. Народность». Как заметил американский исследователь Джонатан Дейли, «императорское правительство выжидало и не требовало большей надежности от российских подданных. Правительство рассчитывало, что они не будут заниматься деятельностью, вредной для интересов государства, но не ожидало, что их подданные будут оказывать активную поддержку государству» [23, с. 68].

Как и Вандея в 1793–1796 гг., западные губернии Российской империи в 1905–1907 гг. стали регионом массовой контрреволюции и приобретали определенную идентичность. Требуется еще много кропотливой работы, чтобы исследовать все предпосылки и последствия взлета и падения «Вандеи» революции 1905–1907 гг.

Библиографический список

1. Sutherland D.M.G. The French Revolution and Empire: the Quest for a Civic Order. Malden, MA; Oxford, 2003.

2. Secher R. A French Genocide: the Vendée. Notre Dame IN: University of Notre Dame Press, 2003. Перевод с французского. Secher, Reynald. Le génocide franco-

* Наблюдения автора.

français: la Vendée-Vengé. 4. éd. Paris: Presses universitaires de France, 1992.

3. Есина Ю.Г. Регион Вандея как концепт культуры // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №2.
4. Pale of Settlement. The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. URL: https://yivoencyclopedia.org/article.aspx/Pale_of_Settlement#id0eqg.
5. Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М., 2013.
6. Рокки Т. Российское черносотенство и его место в прошлом и настоящем европейских популистских партий и движений: Опыт по компаративистике // Тетради по консерватизму. №1. Февраль 2020. URL: <http://essaysonconservatism.ru/1-2020>.
7. Wolfe B.D. Three Who Made a Revolution. Rev. ed. N.Y., 1964.
8. Егоров А.Н. Отечественная историография Первой российской революции 1905–1907 // Россия в 1905–1907 гг.: энциклопедия. М., 2016.
9. Гольцев В. Сибирская Вандея. Судьба атамана Анненкова. М., 2009.
10. Калинин И.М. Русская Вандея. Краснодар, 2010.
11. Матвеев В.А. Националистическая вандея и проявления устойчивости российской интеграции на Северном Кавказе в кризисных условиях 1917–1921 гг. : монография. Ростов-на-Дону, 2016.
12. Шешуков А.Г. Тобольская прелюдия: вандея по-русски. Тюмень, 2009.
13. Шишкин В.И. Сибирская вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск, 1997.
14. Катцер Н. Белый миф: Русский антибольшевизм в послевоенной Европе // Война во время мира: военизированные конфликты после Первой мировой войны 1917–1923. М., 2014.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по вероисповеданиям и регионам. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php.
16. Kolarz W. Religion in the Soviet Union. L.; N.Y., 1961.
17. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=61
18. Pulzer P.G.J. The Rise of Political Anti-Semitism in Germany and Austria. Revised edition. Cambridge, MA, 1988.
19. Омелянчук И. В. Социальный состав черносотенных партий в начале XX века. Отечественная история. 2004. №2. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/RUHIST/BLACK.HTM>
20. Левицкий. В. Правые партии. Общественное движение в России в начале XX века. Т. III, кн. 5. Партии: их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе. СПб., 1914.
21. Ruud Ch.A., Stepanov S.A. Fontanka 16: the Tsar's Secret Police. Montreal, 1999.
22. Rogger H. Was There a Russian Fascism? The Union of Russian People // The Journal of Modern History. Vol. 36. No. 4 (Dec. 1964).
23. Daly J.W. Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia, 1866–1905. DeKalb, IL, 1998.